

**Александр
МОСКВИН**

**ДОМ
ОБРУШИЛСЯ**

Оренбургские
ПОЭТЫ

АЛЕКСАНДР МОСКВИН

ДОМ ОБРУШИЛСЯ

Стихотворения

Оренбург
2015

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
М 83

Эта книга издана при поддержке

партии «Единая Россия»
(секретарь отделения – **И.Н. Сухарев**)

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
М 83

Александр Москвин. Дом обрушился.
Стихотворения. – Оренбург, 2015. – 52 с.

«Дом обрушился» – третья книга оренбургского поэта, лауреата различных литературных конкурсов и премий Александра Москвина. Речь в ней идёт, конечно, о разрушении не реальных зданий, а воздушных замков, которые хоть и выстроены из грёз и фантазий – материала весьма эфемерного, – но всё равно способны похоронить под своими руинами незадачливого мечтателя.

© Александр Москвин, стихотворения, 2015 г.

До

* * *

Доподлинно не выяснив, где, что и как,
Весьма легко уверовать хоть в миражи,
Хоть в домыслы, хоть в выдумки. Один чудак
(Со стопроцентной точностью известно!) жил.

Про серую обыденность совсем не знал,
А если знал, то слился с нею не вполне.
На крышах он засиживался допоздна,
Любил поразглагольствовать, что на Луне

В районе моря Ясности построен дом,
Где может каждый путник обрести приют,
И потому не гасится свет в доме том –
Со всех концов Галактики гостей там ждут.

Со странностями в жизнь вписаться нелегко,
Порой бывают люди беспричинно злы.
По каверзному умыслу злых языков
Законченным лунатиком чудак прослыл.

Свалился он с Земли обратно на Луну,
В реальность воплотив злорадный экивок.
Твердил чудак в растерянности: «Ну и ну!»,
Узнав, что среди кратеров нет никого.

Другие бы, возможно, возроптали: «Жаль
Лишиться благ земных», нахмутив мрачно лбы.
Чудак же что-то истово сооружал
(Где стройматериалы только раздобыл?),

А в результате выстроил уютный дом –
В холодном мрачном космосе тепла оплот.
И никогда не гасится свет в доме том –
Со всех концов Галактики гостей там ждёт

Чудак, чтоб побеседовать о чудесах,
Которые везде творятся. И хотя
Здесь явно пахнет выдумкой, но в небесах
Заметны звездолёты, что к нему летят.

* * *

Маше

В час, когда мазилы Купидона стрела
Выпала из раны и клонился ко сну
Город, по извилистым проулкам брела
Девушка, которая украла луну.

Девушке хотелось, чтобы стало темней:
Темнота надёжней, чем любой макияж,
Сможет скрыть груз попусту растраченных дней.
Девушка брела, не глядя под ноги. Аж

Страшно становилось: кто увидит её
Мрачной, ненакрашенной, ревущей навзрыд.
Выжженная жизнь не зарастала быльём,
Надо бы припрятать свой потрёпанный вид.

Руки протянула к небесам вдруг она,
Ухватив светило, поместила его
В недра дамской сумочки. У самого дна
Где-то между тушью, пудрой, книгой Гюго,

Паспортом, помадой затерялась луна.
Кража не повергла мир ни в хаос, ни в шок.
Сделалась излишне холодна и темна
Ночь, но без луны не стало всё хорошо.

Осознала девушка: совсем не близка
Ей такая злая непроглядная мгла.
Руки в сумку сунула – луну отыскать,
Но луну не вынула – найти не смогла.

Душу не кромсала чтоб кромешная тьма,
Девушка вскарабкалась на небо и там
Села, ножки свесила и тут же сама
Засветилась ярче всяких лун. Высота

Малость напугала, но не мерк тусклый свет,
И от света этого всё стало не так –

Не вспорхнул привычно рукокрылый рой бед,
Не запутал путника сгустившийся мрак,

Ночи стали очень плодотворны, ясны,
Перестав томиться у сомнений в плену,
Оттого, что светит ночью вместо луны
Девушка, которая украла луну.

* * *

Перед уходом сказала: «Ариведерчи!»,
Хотя, наверное, лучше бы по-английски
Ушла. Увы, инцидент стал слишком исперчен.
Пора противную горечь смыть айриш виски.

Размыто, дымчато, зыбко, словно в кошмаре
Всё происходит вокруг – не страшно, но странно.
Я понимаю, по кухне наспех пошарив,
Что ничего нет в запасе, кроме айрана.

Кисломолочный напиток вряд ли поможет
Унять изменчиво-горький привкус разрыва.
И злость молотит по нервам хлёстким: «И что же
Там дальше будет?» Догадки слишком фальшивы.

Пусть в R'n'B многократно это воспето,
Но в силу старой привычки я «Айрон Мэйден»
Врублю: авось грохот рока – действенный метод,
Мозги прочистит получше Юнга и Фрейда.

Свои воздушные замки снова построив,
Утешусь я. Для такого мне непременно
Разжиться надо сверхсилой супергероев.
Надеть костюм супермена, шлем айронмена –

Не вариант. Остаётся слушать, как ропщет
Строптивый внутренний голос в трезвом угаре –
Твердит усердно, насколько было бы проще
Не растворяться в коварном оревуаре.

Поступок будет не взвешен, глуп и поспешен,
Но по-иному не может нрав непокорный –
Пора сломить обречённость, выдолбить бреши,
Прикончив «ариведерчи» новым «бон джорно».

* * *

Она в слезах вскочила со скамейки.
Японский бог! Как много в бабах сложного!
Струились слёз извилистые змейки.
Я не бросал словца неосторожного,

Всего-то взял да усадил на лавку,
Когда она устала... Как всё путано!
В чём дело? Я не к месту вспомнил Кафку.
В единый миг свершила строгий суд она.

Ворвались мне осиным роем в уши
Слова, что чёрств я, груб и невнимателен.
Она ушла, надменно развернувшись,
И назвала меня придурком и предателем.

Хотелось мне стремглав, прибавив ходу,
Бежать за ней, прощенья выпрашивать,
Но прежде руки оторвать уродам,
Не прилепившим надписи «Окрашено».

Забыли про удода

По выставке музейной шагали папа с сыном,
Там было много чучел – и птичьих, и звериных.
О фауне папаша рассказывал толково:
«Смотри, сынок, вот гуси, вот ястребы, вот совы...»

Задумчиво мальчишка спросил перед уходом:
«Скажи, пап, почему мы не видели удода?»
Папаша растерялся, заахал да заохал:
«Удод, чай, не фламинго, не тетерев, не сокол –

Смотреть неинтересно на этого урода,
Наверное, в музее забыли про удода».
Мальчишка обратился к зрителю у входа:
«Как так? Вы в самом деле забыли про удода?»

Зритель пробежался по залам взглядом строгим,
Сотрудники музея вскочили по тревоге.
Зритель и директор, кассир с экскурсоводом
По залам разбежались на поиски удода.

Какая незадача в конце рабочей смены!
Куда ж ты подевался, удод обыкновенный?
Расстроился мальчишка – глаза на мокром месте,
Как будто ничего нет удода интересней.

«А вы на это дело иначе посмотрите, –
К ребёнку обратился случайный посетитель. –
И станет всё не грустно, а очень даже клёво:
Удод – он ловкий малый, не дался птицелову.

Резвится на приволье удод живой, свободный,
Ночами отдыхая от дел своих удодных.
Шкодливому удоду помог счастливый случай
Не стать одним из скучных, покрытых пылью чучел».

Мальчишка улыбнулся, но тут в соседнем зале
Раздался крик: «Сюда! Мы удода отыскали!

На нас не оставайтесь, пожалуйста, в обиде:
Удод – он слишком мелкий, за коршуном не виден».

На зов помчался мальчик. Стоит, потёрт, потаскан,
Удод. Бездвижный. Пёстрый. Нет жизни
в тусклых глазках.

Слезами забурлила на сердце непогода.
– Ох, лучше бы вы всё же забыли про удода...

Викино эхо

Солнечным утром на берегу Урала,
Звонко смеясь, Вика бегала, играла.
Смеху вторило раскатистое эхо,
При звуках эха закончилась потеха –
Новой мечтой загорелась озорница,
С эхом она захотела подружиться.
Вздригнуло эхо от Викиного крика:
«Эхо, привет! Познакомимся? Я Вика!»
Эхо в ответ лепетало: «...ика ...ика».
Вика смутилась: «Ты, эхо, что – заика?»
Эхо – заика, ну экая досада,
Эту досаду исправить срочно надо!
Ну-ка давай вместе встанем на пригорке,
Будем с тобой говорить скороговорки!
Я разучить умудрилась их немало:
И про кларнет, Карла, Клару и кораллы,
И про чертивших чертёж чертят чертовских,
И про колпак, сшитый не по-колпаковски!»
Эхо сначала задумалось: «Не зря ли?»,
Но согласилось. Усердно повторяли
Скороговорки до самого обеда
Вика и эхо. Забрехала победа
Где-то к полудню, пришли они к успеху.
«Вика, привет!» – отвечало Вике эхо,
Но говорить постаралось эхо тише –
Так, чтоб никто, кроме Вики, не услышал.

Емеля-дурак и Смерть

Забвения избегнув, от домыслов уцелев,
Блуждает из уст в уста легенда. В одном селе
Емеля-дурак живёт. В окрестностях знает всяк,
Что он на печи лежать да пряники есть мастак.

Загадка – что за напасть родиться таким дурным!
Страданий отец и мать хлебнули немало с ним:
Пытались его учить – нет проку который год,
Хотели его женить – да кто ж за него пойдёт?

Отчаявшись, просидев в раздумьях ночь до зари,
Они попросили Смерть: «Хоть ты дурня заведи!»
Известно, что Смерть с косою всегда на подъём легка,
Ватага рабов её напала на дурака.

Напала, а толку нет. Так можно сойти с ума –
Не справились с ним потоп, убийцы, пожар, чума...
Испробовав много средств, гадала Смерть, почему
Он не утонул в реке, и не угорел в дыму.

Емелю она рукой когтистой за горло хватать!
«Почто ты ещё живой?» – «Не знаю, как помирать!» –
«Да это умеют все! Да это... да как же так?!» –
«А я, ты пойми, не все! Я этот... кто я?... Дурак!»

Понять бы костлявой, что не сыщется сладу с ним,
Но смерть стала гнуть своё: «Не знаешь,
так объясним!»

Поправив свой чёрный плащ, Емелю стащив с печи,
Взялась за нелёгкий труд – давай дурака учить.

Умение умирать старалась и так, и сяк
Ему втолковать. Увы, понять не сумел дурак
Мудрёный её урок. От пота взопрела плешь.
«Умаялась вся, поди? Так пряничка на поешь!»

И Смерти Емеля вдруг свой пряничек протянул.
Желание поучать померкло, дав слабинку.

Опешила Смерть тогда, промолвила: «Ну дела!»,
Взяла угощенье и, растрогавшись, померла.

Проходит за веком век, проходит за годом год,
Как прежде, в одном селе Емеля-дурак живёт,
Не учится ремеслу, не водит домой невест,
А знай на печи лежит да пряники с мёдом ест.

* * *

Спускаюсь в подземку. Античный герой в Аид
Вот так же спускался, спокоен, невесел и дюж, но
В Аиде хоть можно, из Леты испив, забыть
Всё то, о чём помнить опасно, нелепо, не нужно,

А тут, сколько «пепси» в разинутый рот ни лей,
Не станет чуть менее мутно, чуть менее жутко,
В Москву, подгоняя четвёрку лихих нулей,
С экрана планшета врываются новые сутки.

Погаснет экран, увлекая в своё нутро
Игру про злых птичек, привычку немодного писка.
Дремлю, и мне снится: обычный вагон метро
Решил стать купейным, идушим до Новосибирска.

В толпе на перроне знакомый лица овал –
Та, бывшая близкой, но ставшая недостижимой.
Чтоб с ней не встречаться, дрожащей рукой сорвал
Стоп-кран пробужденья. Сражаюсь со спящим
режимом.

Схожу на конечной (всклоочен, немного дик)
И двигаюсь к выходу, встречным потоком оваян,
Вслед за единицей из множества Эвридик,
Ведомой наверх эмпэтришным, попсовым Орфеем.

* * *

Кисть буревестником реет над белизной
Новозачатой картины. Супрематизм
Рвётся штормящей прохладой в будничной зной,
Опровергая устоев суть. Время из

Недр бытия дико хлещет. Пали без сил
Те, кто его сбит напором. Замыслов шторм
Блажь мертвописных полотен напрочь сразил
Столь непривычно-первичной свежестью форм.

На безмятежность природы мастер не стал
Пялиться взглядом, которым гордый Нерон
Обозревал гибель Рима. Космос холста
Не покорён взмахом кисти, а сотворён.

Виды, сюжеты, предметы – что толку в них?
Меркнут бессильные краски пройденных вех.
Поводов больше не будет для болтовни.
Кисть Казимира сказала всё и за всех.

* * *

Дождливые ночи в городе,
Когда-то давно построенном
Со скрытым и злобным умыслом,
Чтоб хмурые ливни там
Людей, одержимых сворой дел,
Забот неуёмным роем, но
Не сдавших летучесть дум на слом,
Топили. Ты знаешь сам

В финале страстей по Дарвину
Сильнейший, бесспорно, выживет,
Слабейший загнётся в сырости –
Какой с доходяги спрос?
Но выцепит взгляд подавленный
Полсотни оттенков рыжего,
Сумевших пробиться, вырасти
Здесь в серости. Под откос

Отправив былые принципы
(Не более и не менее!),
Намерений крайних полн с лишком,
Себе ты прикажешь сам:
Помчаться, мечты спустив с цепи,
С невиданным прежде рвением
За той, у которой солнышко
Разлито по волосам.

Укусит боязнь, как кобра. За
Дверями мир незнаком. Но ты
Внимаешь теням, что тихо так
Взывают: «Поверь же нам!
И выйти пора из образа,
И выйти пора из комнаты,
Не важно, что этой выходкой
Ошибка совершена».

На фоне гнетущих дум и рек
Идея вскочить на плот – нова,
Был паводку брошен вызов. Стих

Шум, чудо явив двоим...
Не стало промозглых сумерек,
Не стало дождя кислотного,
Как будто от этой близости
Стал город совсем другим.

Во время

* * *

Убранство чёрной комнаты весьма зловеще. На
Спокойствие рассчитывать не стоит тут.
Над этой очевидностью смеются трещины,
Когда змеисто-аспидно вдоль стен ползут.

Упорно в чёрном доме не стихают плач и стон.
Везде изрядно плакальщиц, кто не привык,
Что правит хаос. Прежде чем начать жить начисто,
Охота им попробовать на черновик.

На чёрной-чёрной улице огни погашены.
В потёмках растворяется за пядью пядь,
И ключ, застряв в объятиях замочной скважины,
Предпочитает чёрный дом не покидать.

Уводят в чёрный город перебежки быстрые.
Никак от местных жителей не ускользнуть.
Они сурово скажут: «Город мрачным выстроен.
Никак его не сделаешь светлей чуть-чуть».

Разрушить обречённости их твердолобый вал
Сложней, чем на «Титанике» заделать течь.
Приходит понимание: никто не пробовал
Над чёрным-чёрным глобусом звезду зажечь.

Я пробую... Всё кончилось зубовным скрежетом,
Падением, беспамятством – ни бе, ни ме.
И всё же хлипкий свет (в конце тоннеля брезжит он)
Осмысленней блуждания в кромешной тьме.

* * *

Намёки станут ещё туманнее,
Кривляясь, как неумелый мим.
Охота в жизнь воплотить желание,
Но грозный фатум неумолим.

Поблажку даст он лишь в крайнем случае,
Когда, мерцая и трепеща,
Полётом кратким звезда падучая
Небесной тверди шепнёт: «Прощай!».

Тогда удаче деваться некуда
(Не растерять бы её зазря!) –
Входи хоть трижды в любую реку да
Твори, что хочешь, и лишь заря,

Отпыхав, небосклон покинула,
На вызов прибыл привычный лифт,
Жизнь перестроилась по-совиному,
Для биоритмов зажав alt shift.

Из отговорок не сшить подобия
Хоть полуправды, сколь ни трудись.
Не убаюкать клаустрофобию,
Когда на лифте несёшься вниз.

Кабина дёрнулась с тяжким скрежетом,
Открылись двери, был сделан шаг,
Повлекший домыслов всплески: «Где же та
звезда?» Клубился зловещий мрак.

Вот над печальями твердолобыми
Мечта вспорхнула. Взгляд в небо – шашь!
Звезда, зажатая небоскрёбами,
Не может с неба никак упасть.

* * *

К кому-то она является в виде прекрасной дамы
И своего избранника холит, лелеет, нежит.
К кому-то крылатой лошастью с неба слетает прямо,
Звонко стучит копытами, ласково ржёт. Ко мне же

Как будто толпа фанатиков, что жаждет травить
Людей, не познавших истину и к бытию негожих,
Врывается, преисполнившись ненависти
Стремясь все иные помыслы полностью
зарином
звериной,
изничтожить,

Чтоб вместо житейской серости,
И редких моментов радости, пламенем чувств
Остались одни лишь поиски образов, рифм,
Частенько не приводящие к нужному результату.
вместо трудов кипучих
объятый,
созвучий,

Хоть сколько-нибудь полезной быть обществу
Кругам под глазами дав приказ пухнуть кругами ада,
Попытки смягчить условия с ходу отвергнет. Злая,
Дурная, шальная, наглая. Что же с ней делать?
не желает.
Надо

Не бить беспощадно вдребезги стёкла
А бить по её позициям залпом из всех орудий.
Крик ненависти к поэзии труден, паскуден, нуден:
«Закончил стихотворение! Больше стихов не будет?»
суровых буден,

Конечно же, будут, надо бы обороняться рьяно.
Когда сил не хватит выдержать натиска,
Отчаявшись, ей в заложники сдаться
будет кстати,
смирренно да на

Стокгольмский синдром рассчитывать.
Может быть, он накатит,

Начнёт голосить, что мир вокруг чёрт знает
в чём утоплен,
А с нею ты в безопасности, как на ковчеге Ноя.
Сумев разглядеть гармонию в толще
бессвязных воплей,
Ненависть переплавится в нечто совсем иное.

Тысяча вторая ночь

Гонор откровений повелителя взбесил,
В неурочный час начав чрезмерно рьяно-яро
Схватку с миражами. Слуги выбились из сил,
Утирая пену с губ владыки Шахрияра.

Тщетно он пытался удержать себя в руках.
Склизким липким потом под тюрбаном склеив патлы,
Впился прямо в душу суеверный скверный страх,
Как проворный аспид в шею томной Клеопатры.

Сыпались советы переждать, перетерпеть,
Свыкнуться, поскольку не сломить неуправимый
Натиск. Бесполезно натирать до блеска медь –
Затхлый плен кувшинов покидать не станут джинны.

Столь же бесполезно в ступах снадобья толочь –
Помощи не будет. Надо воспринять сугубо
Лично, что настала тысяча вторая ночь
Мимолётно горьким поцелуем губ суккуба.

Было изначально ясно – скоро истечёт
Отведённый срок на непотребства и услады.
Быстро пробежало время. Наступил черёд
Для начала самой страшной сказки Шахразады.

Слушать эту сказку – словно в океан без дна
Броситься. Истощённый выкрик напрочь раскачал ось
Мира, потому что ночь была всего одна,
Хоть и длилась ровно тысяча одну, казалось...

Шувано

Передышкой обуздан бескрайний простор.
Потускнели узоры на вардо.
Как и прежде, всевидящ пронзительный взор
И надёжны гадальные карты.

Бородой цвета снега кудесник зарос,
Словно выстужен был на том свете,
И зияет дырой провалившийся нос –
Это сифилис рябью отметин

Много вёсен назад по лицу пробежал,
Гнойный призрак любви застарелой
Оборвал навсегда плотских радостей шквал,
Изуродовал душу и тело.

Заменяла собой шумной праздности шик
Повседневность дрянного покроя.
Он постиг ремесло править судьбы других,
Раз свою не сумел обустроить.

Не гонясь за соблазном больших барышей,
Он творит ворожбу без обмана.
Растеряв горделивость, робеют гадже,
Если с просьбой приходят к цыгану.

Слёзно просят на травах взрастить приворот,
Изничтожить докучную немочь,
Разным горестям дать от ворот поворот.
Щедро сыплется звонкая мелочь

И кипит ворожба под покровом ночей,
А придёт суматоха дневная,
Он сидит неподвижно в кибитке своей.
То ли жив, то ли мёртв – сам не знает.

* * *

*Не нужно счастья волнам усталым –
Им нужен берег.*

Мария Станчева

Не успеваешь собраться с духом, учесть потери, как
Свои поправки в расклад событий внесёт сумятица,
Хотя усталой волне цунами не нужно берега,
Она к нему, не сбавляя скорость, упорно катится.

Стихийным бедствием, катастрофой она обрушится
На берег тот, чередой подземных толчков осалена.
Запаса злобы тая поменьше тщедушной лужицы,
Она бесстрастно из чуда света создаст развалину.

Надежда шепчет, что непременно дела должны
на лад
Пойти – стихия проявит жалость, оставит в целости
Хоть что-то. Тщетно. На побережье волна нахлынула,
И в тушу суши вонзились Левиафана челюсти.

* * *

Говорят, в Рязани грибы с глазами.
Сам я не видал, не был там доселе.
Просто я поверил, когда сказали,
Что всё обстоит так на самом деле.

Говорят одни, что их видел всякий,
Кто хоть раз бывал в самой чаще леса,
Но другие им возражают: «Враки –
Кряканье в утятнике жёлтой прессы!»

В неуёмном споре легко хоть те, хоть
Эти правы могут быть. Будет лучше
Вникнуть в суть проблемы – в Рязань поехать,
Чтоб лапшу с ушей на обед не кушать.

«Не стремись услышать, стремись увидеть!» –
С давних пор не зря говорят в народе,
А в лесах Рязани потребность в гиде
Даже не возникнет – грибы проводят

В самую чащобу, где их навалом,
Где они, кучкуясь по двое, трое,
Терпеливо ждут грибников бывалых –
Ножки обнажают и глазки строят.

Хитрая задумка у этих тварей
(Их она обычно ведёт к победе):
Каждый хочет быть срезан да изжарен,
И, в конце концов, с аппетитом съеден.

Съешь грибов таких – и отхватишь лиха,
Потому что в них страшный яд таится.
Рада новой жертве охоты тихой,
Будет под землёй хохотать грибница.

Пыжится мораль: «Поступать так плохо!»,
Но грибов от этого не убудет.
Впрочем, там, в Рязани, грибы с подвохом,
А у нас частенько такие люди

Множат неустанно, до крови с потом
Список преступлений без наказаний.
Ни к чему попытки исправить что-то –
Проще образумить грибы в Рязани.

* * *

Всё будет так же и в первый, и в стотысячный раз,
Легко разгадан событий наступающих шифр:
Луна выходит на небо, как на дело Мосгаз*,
Стремясь проникнуть обманом в тишь
однушки-души.

Луны размеренный ход не остановит ничто,
И панацей от её тлетворной магии нет.
Преодолев заграждение плотно сдвинутых штор,
Отыщет жертву свою белёсо-призрачный свет.

Вампира кол и чеснок, а каракурта кошма
Удержат. Лунному свету нет преград на пути.
Он сладострастную грёзу в кафкианский кошмар,
А вдохновлённость идеей в полный крах превратит.

Воспламенившись отвагой, огневспыльчивый нрав
Рискнёт принять свой последний
нерешительный бой.
Исход един: оступиться и, фиаско признав,
Пополнить список безумцев и сомнамбул собой.

Померкнет прежняя чёткость мыслей,
действий и фраз,
Как только в свете луны засеребрится сугроб.
Луна выходит на небо, как на дело Мосгаз,
Но не объявит облаву на неё МосУгРо.

* Мосгаз – прозвище серийного убийцы Владимира Ионесяна, который проникал в квартиры своих жертв, представляясь сотрудником московской газовой службы.

После

* * *

Время шалостей детских вышло,
Рухнул каменный дом Наф-Нафа.
Ночью чудится еле слышный
Плач из шкафа.

Там на полках привычный хаос –
Шорты, майки, толстовки, брюки...
Возле стенки, в платок сморкаясь,
Плачет Бука.

На висках его вздулись жилки.
Донесла тишина ночная,
Что отныне его страшилки
Не канают.

Бука, спрятав лицо в ладонях,
Понапрасну разводит сырость,
Бука просто ещё не понял –
Мальчик вырос.

То, что было всего кошмарней,
Взрослость с ходу подвергла слому,
И пугать надо дальше парня
По-другому –

Без бабаев, без вурдалаков,
Без чудовищ, без Бармалея.
Есть в запасе изрядно страхов
Повзрослее:

Страх любых начинаний краха,
Прозябания без работы,
Со сварливой толстухой брака
По залёту.

Страх лишиться родных и близких,
В неизвестность шагнуть с порога.
Страх бессилья, позора, риска...
Их так много!

Осознав эту мудрость, Бука
Вновь нацепит оскал звериный,
И не мальчик объят испугом,
А мужчина.

И пока он не ляжет трупом,
Бука будет крепить армаду
Новых страхов. Да, это глупо,
Но так надо.

* * *

От дрызг и скандалов распался союз нерушимый,
Скреплённый венчанием, загсом, любовью, расчётом.
Зарёвана женщина. С сумкой уходит мужчина,
Забыв только бритву, расчёску и что-то ещё. Там,

Где ранее, в лучшие годы, творилось такое,
Что густо краснел содержательный том Камасутры,
Дохнуло не взрослым, диванным, унылым покоем,
А полной апатией. Вечер по-утренни мудро

Решение принял, нельзя в груди битой посуды,
В разорванных фотках, пощёчинах, воплях и дрызгах
Любовь хоронить. Совершилось нежданное чудо.
Тщедушный замок впопыхах на прощанье не лязгнул.

Мужчина вернулся, одумался, сумку поставил,
Как будто попутно хлебнул приворотного зелья.
И женщина тоже пошла поперек всяких правил,
Простила, заплакала. Кончилось дело постелью,

Слезами и клятвами, счастьем и смехом. Как волны,
Нахлынули чувства – от них отдышаться хотя бы,
Под пледом свернувшись. Начаться идиллии полной
Мешает риэлторша, жирная, мерзкая баба –

Приводит в квартиру своих толстосумых клиентов.
Те морды воротят, торгуются, смотрят, уходят.
Срывается сделка, и баба клянёт «хату енту»,
И сердце ни к чёрту, и нервы, как видно, на взводе.

В гараж после ссоры подался мужик криворукий,
Машину завёл и по трассе угарного газа
Отправился в рай. Слёзы выплавав, вытерпеть муки
Жена не сумела – порезала вены, зараза.

Теперь привидения (бабу колбасит от злобы!)
По комнатам бродят, вздыхают и бешутся с жиру –
Играются в счастье, которое сбыться могло бы...
Да как же продать нехорошую эту квартиру?!

* * *

Всё надоело, осточертело и задолбалo,
А случай, в общем, для городов не такой и редкий:
Пав жертвой острой нехватки пары егэшных баллов,
Не поступила. «От рук отбилась! – ругались предки. –

Наташа с Олечкой поступили! И ты бы с ними!»
Отбор жесток, грызть гранит наук не смогла
со всеми,
Но невзыскательный супермаркет
кассиршей примет
Без проволочек и даст отсрочку,
чтоб выждать время.

Облом случился, и что – прикажете с кислой рожой
Ходить теперь? Попыталась как-то взгрустнуть,
однако
Печаль развеялась. Ну подумашь, годом позже
Придётся влиться в насквозь снобистский мирок
филфака.

К тому же радио сонным голосом Павла Глобы
Нагороскопило Овнам отдых. Она читала,
Ему внимая (сплошь для релакса, не для учёбы),
На перерыве, в трамвае, дома под одеялом,

Да где получится, – детективы. Сюжет известен:
Невинна жертва, герой прозорлив, злодей коварен.
Пока придумкам о безрассудстве, безумстве, мести
Она внимала, её в реальности бросил парень.

«Мы расстаёмся!» – сказал он. Сердце ушло в бега и
Пропало где-то в районе пяток бесследно. Взять бы
Вернуть на место проблемный орган... Увы, другая
Спустя неделю гуляет с парнем. Дошло до свадьбы.

Там всё в комплекте – и грудь, и ноги. Зовут Оксана,
Плащ от Кардена, очки от Гуччи, такая цаца,
В оригинале читает Гёте и Мопассана,
Куда затюканной серой мышке с такой тягаться?

Пока от боли душа стенала, лежало тело,
Клубком свернувшись, под одеялом и суетливо
Найти пыталось ответ на вечный вопрос:
«Что делать?»
Подсказку дал старый книжный шкаф
с криминальным чтивом.

Когда сплетения обстоятельств совсем некстати
Хотят тебя довести до ручки, дойди до точки.
Предосторожности ошалело сказала: «Хватит!» –
И хладнокровно двоих убила поодиночке.

Как это было? Забылось всё, кроме капель крови,
Застывших странным узором на белизне рубашки.
«Постой! Опомнись!» – змеей гремучей
шипела совесть,
Но пела месть глухарём из рода особо тяжких.

А безнаказанность подсказала от грусти способ:
«Ты, прежде чем умереть красиво, живи ретиво».
На ворох прежних проблем тогда посмотрела косо
И в «Новый книжный» пошла за новеньким
детективом.

Гремучий студень

Светило солнце, но слякотно-склизко
Шагалось ей по брусчатке проспекта.
У института толпились курсистки.
Она брела среди них неприметной,

Невзрачной, серой, затюканной мышью.
Библейский тезис «Ищи да обрящешь!»
Она сквозь зубы цедила чуть слышно
И что-то прятала в серенький плащик.

Узрев в невзрачности дух чертовщины,
Курсистки едко шептались, глазели.
Пока они отдавались мужчинам,
Она себя отдавала идее.

Не бабья доля жать ниву террора,
Но занял место интриг и гаданий,
Романов, сплетен и прочего вздора
Гремучий студень цитат и воззваний.

Она, смешав саботаж с эпатажем,
Не вопрошала: «Чего это ради?»
Гремучий студень на сердце не страшен.
Куда страшнее, когда он в снаряде,

Который брошен движением быстрым
В окно кареты: «Умри, губернатор!»,
И дым, клубясь, в мутном взоре бомбистки
Застынет клочьями сахарной ваты.

* * *

Пусть в пробирках бурлит яд для нового Сократа,
На рассвете пускай солнце всходит еле-еле,
Будет всё хорошо, лишь бы по утрам диктатор
Выходил на балкон президентской цитадели.

Заражая толпу страстью идолопоклонной,
Одиозность легко корни в разумы пустила,
Всех и вся убедив: звёзды на его погонах
Путь стране озарят ярче всякого светила.

Раболепно упасть перед ним готов любой ниц,
Но тайком тут и там сорняками лезут сплетни
Про разруху в стране, про гарем его любовниц –
Роковых, разбитных, но несовершеннолетних,

Про разгульный террор, про великие идеи,
Воплощённые в жизнь либо криво, либо косо,
Но открыто никто огрызнуться не посмеет
И никто на него не обрушит ряд вопросов:

«Генерал, почему наша армия разбита?
Генерал, почему наш удел – дышать на ладан?
Генерал, почему чахнет чернь, жирует свита?
Генерал, почему нам неверный вектор задан?»

Прославляя его, драли глотки, рвали жилы
Люди, но лопнул плод революций перезрелых –
Тех же самых людей оголтелость охватила.
С нетерпением все ждут глумления над телом.

Не сумеют взять верх ни растерянность, ни ступор
Над желанием бить, рвать, терзать, рубить на части,
Будто бы из кусков протухающего трупа
Будет можно собрать недостижимое счастье...

Приближение Снежной королевы

Уничтожив нужду в хлебах и зрелищах,
Укротят непролазные сугробы
Дрожь конечностей, трупно коченеющих,
Мёртвой хваткой колючего озноба.

Мог болтаться, фактически удушенник,
На верёвке рутинно-льдиистой бездны,
Но в кроссворде, на глыбе льда составленном,
Слово «вечность» смотрелось неуместно.

Нашептало чутьё: должно быть вклинено
В хладнословных сплетений безупречность
Что-то более жуткое и длинное,
Например, быстротечность, бессердечность.

Вариантов есть видимо-невидимо,
Но, увы, ни один из них не верный.
Бормоча их, легко и просто выдумать
Хоть мессию, хоть Бэтмена, хоть Герду,

Хоть кого-то, кто б смог примчаться издали,
Из краёв, где хоть чуточку теплее,
И заложника стылой мути вызволить.
Но никто не примчится – околеет.

Остаётся ошмётки рваной памяти
Убедить, что рассудок не повержен,
Самому проломить заслоны наледи
И тащиться, покуда ноги держат.

Перестанут – продумано заранее:
Мордой в снег – вспышка справа, вспышка слева!
Предвещается северным сиянием
Приближение Снежной королевы.

* * *

Здравствуйте. Вам нужен пакет?
(Боже, как болит голова
На работе в ночь!) Значит, нет?
Что же вы не взяли товар?

Взвесить не смогли? Ну и ну!
Там же разберётся любой!
Ладно, помогу, разомну
Ноги заодно. Видно, сбой

Там в системе произошёл.
Починю сейчас – пять минут.
Ну теперь-то всё хорошо!
Что купить хотели вы тут?

Катеньку, коллегу мою
С добрым взглядом, с ровной спиной,
С надписью «Ай сердце (лав) Нью-
Йорк» на майке? Да вы больной!

Убирайтесь вон сей же час!
Вам хочу напомнить притом:
Вывеска над входом у нас
«Гипермаркет», а не «Притон»!

Говорите, вы каннибал?
Новизны хотите в меню?
Вы меня простите, не знал!
Я сейчас пойду уточню...

Мне администратор сказал
(Хоть и покраснел густо он
И отвёл при этом глаза),
Что запрос клиента – закон.

Можете купить вы её,
Возражений, в принципе, нет.
Прекращай, Катюха, нытьё,
Полезай-ка лучше в пакет.

(Помню, я, не видя ни зги,
Был к ней сильной страстью влеком...)
Вам её рубить на куски,
Или так сойдёт, целиком?

Цену мы назначили ей
В месячный оклад. Вот штрих-код –
С вас двенадцать тысяч рублей,
А со скидкой девять пятьсот.

(Бледность не уходит со щёк,
Скорби, сожаления нет.)
Вы к нам приходите ещё!..
Здравствуйте. Вам нужен пакет?

Динозавровое завтра

Иногда бывало тяжко, но так хотелось
В нервогрёпку кайнозоя влиться всецело,
А придётся превратиться в окаменелость,
В неразгаданную тайну позднего мела.

Превращения процесс столь сложен и долог,
Результат его веками будет томиться
Под землёй, покуда ушлый палеонтолог
Не наткнётся на останки. В мёртвых глазницах

Затаился тихий ужас, болью поддетый.
Толку нет от визгов, писков, вывертов прочих.
На грядущее природа делая смету,
В неких графах поместила огненный прочерк.

Недовольство, вспыхнув рыком, выдохлось в стоне:
Подавая катастрофу с жару и с пылу,
Разметался хвост кометный на небосклоне.
Динозавровое завтра не наступило.

* * *

Мне страшное чудится (или с бессонницы клинит так,
Что ум аж за разум заходит, скажите на милость?):
Нетвёрдой походкой в районную поликлинику
Планета Земля на приём как-то утром явилась,

Натужно вздыхая, шатаясь простуженно-каторжно.
Шаг влево, шаг вправо – чреваты гримасами боли.
Сурово сказала ей сонная регистраторша:
«А ну-ка давайте сюда ваши паспорт и полис!»

Расселась за стойкой, в компьютер уставясь,
не видно ей,
Кто помощи ждёт. Океанами капаю лужи,
Земля отвечала: «Есть Северный, Южный,
магнитные –
Я даже не знаю, какой полюс вам больше нужен...»

Воскликнула тётка: «О боже! Да ладно бы Коля-сын
Увидел такое под «белочкой» от перепоя!
Но я-то трезва... Да забудьте про полисы-полюсы!
Зачем к нам пришли? Или что-нибудь вас
беспокоит?»

«Тут дело такое... Давно я больна человечеством,
Процесс стал хроническим, только болезненно истов
Был приступ последний... Но это же вроде
бы лечится?
К какому мне лучше отправиться специалисту?»

«Из всех терапевтов одна не в отгуле, не в отпуске,
Но к ней не пуцу: в плане кадров баланс
очень шаткий!
Придёте вы к ней – а работать кому,
прости господи?
Она же схлопочет инфаркт
на седьмом-то десятке!»

Повисло молчание. Думалось медленно, путано,
Как будто мозги превратились в прозрачную жижу.

Догадка пришла: «Окулист! Примет вас,
если тут она...» –
«Я кольца Сатурна (все семь!) замечательно вижу!»

«Тогда к венерологу!» – «Можно, наверное, но и то
Должна вам сказать, нет совсем у меня кавалеров.
Была там, конечно, интрижка с одним астероидом,
Но (страшно сказать!) как давно: в мезозойскую эру!»

«Пойти к психиатру? Да вам это, кажется, незачем,
А мне – всё же стоит, взяв сына с собою до кучи,
Раз вижу я вас...» Постепенно закончился перечень
Больничных врачей, а Земля всё стоит и канючит...

Прикрикнула тётка: «Проблем натащили мне волоком!
Берите талон, и хорош разводить шуры-муры!
А график приёма врача-апокалиптолога
Смотрите вон там, на стене возле регистратуры!»

* * *

Дом обрушился, потому что был стар,
Но хулителям тех, кто построил его, невдомёк,
Что пускай простоял он на свете не более ста
Дней – кому-то и это сойдёт за внушительный срок.

Дом обрушился, потому что лишён
Был он праздничных красок, экзотики
(пальм или серн),
Инсталляций, перформансов... и рассудил здраво он:
Живописность руин – всё же тоже
какой-никакой постмодерн.

Дом обрушился, потому что в Тельце
Пребывала луна. Бил астролог прогнозом лоб в лоб:
«Вы собьётесь с пути, и не будет достигнута цель!»
Дом сбежал от проблем, о которых вещал гороскоп.

Дом обрушился, потому что «...нельзя,
Потому что нельзя быть на свете красивой такой»,
И другая попса из квартир доносилась, грозя
Заразить дом отсутствием вкуса и пресной тоской.

Дом обрушился, потому что ни я
И ни ты никогда поселиться не думали в нём.
Не хотели мы здесь разбирать ветхий хлам бытия
И уют городить с люстрой, чаем, детьми и котом.

Дом обрушился, потому что ничьим,
Неустроенным, серым он быть не хотел. И о том,
Почему он обрушился, высказать много причин
Можно, но почему-то нельзя снова выстроить дом.

Содержание

До

«Доподлинно не выяснив, где, что и как...»	4
«В час, когда мазилы Купидона стрела...»	5
«Перед уходом сказала: “Ариведерчи!”...»	7
«Она в слезах вскочила со скамейки...»	8
«Нрав на шампур бытия столько стрессов нанизал...»	9
Забыли про удода	10
Викино эхо	12
Емеля-дурак и Смерть.....	13
«Спускаюсь в подземку. Античный герой в Аид...»	15
«Кисть буревестником реет над белизной...».....	16
«Дождливые ночи в городе...»	17

Во время

«Убранство чёрной комнаты весьма зловеще. На...»	20
«Человек, которого воспитали кроссворды...»	21
«Намёки станут ещё туманнее...».....	22
«К кому-то она является в виде прекрасной дамы...».....	23
Тысяча вторая ночь	25
«Ночь, такая же чёрная, как флаг батяки Махно...»	26
Шувано	27
«Не успеваешь собраться с духом, учесть потери, как...».....	28
«Говорят, в Рязани грибы с глазами...».....	29
Войны клоунов	30

«Всё будет так же и в первый, и в стотысячный раз...».....	32
---	----

После

«Время шалостей детских вышло...».....	34
«От дрызг и скандалов распался союз нерушимый...».....	36
«Подвели тормоза. Сигарета звездой недокуренной...»	37
«Всё надоело, осточертело и задолбало...»	38
Гремучий студень.....	40
«Пусть в пробирках бурлит яд для нового Сократа...»	41
Приближение Снежной королевы.....	42
«Здравствуйте. Вам нужен пакет?...»	43
Динозавровое завтра	45
«Мне страшное чудится (или с бессонницы клинит так...»	46
«Дом обрушился, потому что был стар...»	48

Александр Алексеевич Москвин
Дом обрушился

Литературный редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Оформление серии – Василий Денисов
Рисунок на обложке – Ольга Вертей

Подписано в печать 9.09.2015 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15.

Тираж 200 экз. Заказ № _____.